

Е.А. Дегальцева*

**БИТВА ЗА УСТАВ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ
ЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ОБЩЕСТВАМИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**doi:10.31518/2618-9100-2026-1-13
УДК 930.85*Выходные данные для цитирования:**Дегальцева Е.А. Битва за устав: государственный контроль за художественными обществами в конце XIX – начале XX века в городах Западной Сибири // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 158–166.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-13.pdf>*

E.A. Degaltseva*

**THE BATTLE FOR THE CHARTER:
STATE CONTROL OF ART SOCIETIES
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES
IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-13

*How to cite:**Degaltseva E.A. The Battle for the Charter: State Control of Art Societies in the Late 19th – Early 20th Centuries in the Cities of Western Siberia // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 158–166.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-13.pdf>]*

Abstract. The article examines state control over public organizations using artistic associations in Western Siberia as an example. Specific practices of suppressing public initiatives, the flow of documents for charter approval, and the motivations of officials are analyzed. The influence of the specific activities of the associations and their personnel on the degree of state control is explored, as well as the specifics of the Siberian location. State policies toward voluntary organizations varied. Initially, state oversight of artistic organizations, unlike educational ones, was relaxed, but throughout the pre-revolutionary period, they underwent significant transformation. These government actions were a response to the expansion of the social movement and its emerging politicization. The article examines the evolution of their relationship based on changes in the approval procedure and amendment of their charters. An analysis of the universal statutes reveals that they were a reliable instrument with which the tsarist administration maintained strict control over public initiative. Restrictions applied not only to organizations active in education and enlightenment, but to professional, artistic, and other associations as well. The state, on the one hand, instituted incentives for the creation of artistic societies, while on the other, gradually tightened its control over them as the political social movement grew. Many of these measures hindered the development of private initiative societies engaged in leisure and public education. Yet, the state's role in this matter cannot be seen as exclusively negative. It awarded various titles, tax breaks, and other privileges for investments and donations in culture and education, thereby stimulating public activity.

Keywords: cities of Western Siberia, local administration, public organizations, state control, charters of public organizations, civil society.

The article has been received by the editor on 07.11.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Екатерина Александровна Дегальцева**, доктор исторических наук, профессор, Бийский технологический институт Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, Бийск, Россия, e-mail: katerina3310@yandex.ru

Ekaterina Aleksandrovna Degaltseva, Doctor of Historical Sciences, Biysk Technological Institute (Branch) of the Altai State Technical University, Biysk, Russia, e-mail: katerina3310@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается государственный контроль за общественными организациями на примере художественных объединений в городах Западной Сибири. Анализируются конкретные практики сдерживания общественных инициатив, пути движения документов по утверждению уставов, мотивации чиновников. Раскрывается влияние специфики деятельности обществ и их личного состава на степень государственного контроля, показывается и специфика сибирской локации. Политика государства по отношению к добровольным организациям была разной. Первоначально государственный контроль за художественными организациями, в отличие от просветительских, был ослаблен, но весь дореволюционный период постоянно подвергался существенной трансформации. Подобные действия властей являлись ответом на расширение общественного движения и его наметившуюся политизацию. В статье показана эволюция их взаимоотношений на основе изменений процедуры утверждения и изменения уставов. Анализ универсальных уставов показывает, что они являлись надежным инструментом, с помощью которого царская администрация держала под неослабным контролем общественную инициативу. Ограничения касались не только формирований, действующих в области образования и просвещения, но и профессиональных, художественных и других объединений. Государство, с одной стороны, учреждало меры поощрения при создании художественных обществ, а с другой – по мере нарастания политического общественного движения постепенно усиливало контроль за ними. Многие из мер сковывали развитие обществ частной инициативы, занимающихся досугом и просвещением населения. И все же нельзя видеть только отрицательную роль государства в этом вопросе. Оно давало различные звания, налоговые льготы и т.п. за вложения и пожертвования в культуру и образование, тем самым стимулируя общественную деятельность.

Ключевые слова: города Западной Сибири, местная администрация, общественные организации, государственный контроль, уставы общественных организаций, гражданское общество.

Статья поступила в редакцию 07.11.2025 г.

Современная государственная политика в сфере поддержки или сдерживания общественных инициатив актуализирует обращение к историческому опыту становления гражданского общества в России на рубеже XIX–XX вв., когда формировался первый опыт общественной активности.

Отечественные исследователи охотно взялись за тему гражданского общества в конце прошлого – начале нынешнего века: были исследованы региональные особенности дореволюционных общественных организаций, разные формы их активности, участие в общественно-политической жизни и СМИ, роль в повседневности и трансформации образа жизни в период модернизации¹. Более других историков интересовали благотворительные, просветительские и научные организации. Историография дореволюционных общественных организаций в 2020-х гг. характеризуется активным переосмыслением опыта гражданской самодеятельности, фокусом на вопросах классификации и взаимоотношений «власть – общество». Исследователи переходят от описания к анализу типов обществ и их роли в социальной структуре, охватывая этапы от дореволюционного до современного². Анализу подверглись

---

¹ Севостьянова Е.В. О деятельности научных обществ в Забайкалье (второй половины XIX – начала XX в.) // Культура и интеллигенция в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.). Омск, 1995. Т. 2; Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 гг. Тамбов, 2002; Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск, 2006; и др.

² Котляр Н.В. Общественные организации в дореволюционной России: вопросы классификации // Genesis: исторические исследования. 2021. № 6. С. 41–55.

уставы общественных организаций, их сотрудничество с органами местного самоуправления, роль в адаптации разных социальных групп³.

Целью статьи является анализ взаимоотношений общественных организаций с государственными структурами на примере художественных обществ. Источниками послужили делопроизводственные документы организаций, включая проекты уставов, переписка с контролирующими органами, статистика и периодика рассматриваемого периода.

В городах Западной Сибири общественные организации стали появляться в последней четверти XIX в. Художественные общества (литературные, музыкальные, театральные, искусствоведческие, фотографические) с большим энтузиазмом взялись заполнить досуг горожан. Среди особенно заметных по своей деятельности выделялись возникшее одним из первых Томское драматическое общество (1866), Омский музыкальный кружок, Тобольское, Барнаульское, Бийское, Новониколаевское, Каинское драматические общества. В начале XX в. стали появляться музыкально-певческие, филармонические, а позже хоровые формирования. В Сибири не было именных обществ, как в Центральной России, например «Бетховен», «Моцарт», как и не было оформлено отделений крупных всероссийских музыкальных организаций. Исключение составило Барнаульское отделение Нарвского музыкального общества при Барнаульском общественном собрании, а также в 1876 и 1879 г. возникли на базе существовавших музыкальных кружков Омское и Тобольское отделения Императорского русского музыкального общества.

Рис. 1. Город Бийск в начале XX в.

Простая бюрократическая процедура по утверждению уставов в реальной практике стала маркером политики государства по отношению к общественным организациям. Ее ужесточение стало ответом на активизацию общественного движения в стране и его политизацию. Более всего контролировались просветительские организации, однако по мере расширения возможностей гражданского общества надзор усилился и за художественными организациями.

Как и другие общества, эти организации освобождались от формального вмешательства государства в их дела, которые регулировались уставом. Контролирующие органы утвер-

³ Туманова А.С., Сафонов А.А. Уставы общественных организаций в дореволюционной России // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 113–136; Гуларян А.Б. Место и роль религиозных организаций в системе самодельных обществ Российской империи (на материале Орловской губернии) // Историческое обозрение. 2021. № 22. С. 44–54; Ерохина О.В. Роль общественных организаций в адаптации немцев в Российской империи (на примере Санкт-Петербурга) // Пятые Карамзинские чтения: сб. тр. конф. СПб., 2024. С. 165–168; Филонов В.И. Просветительская деятельность общественных организаций в Российской империи (на материале Орловской губернии) // Ученые записки Орловского госуниверситета. 2025. № 1. С. 94–98; Смирнов С.Н. Императорское православное палестинское общество и другие общественные организации в Российской империи как субъекты социальной политики (вторая половина XIX – начало XX века) // Интерес вчера, сегодня и навсегда: сб. тр. Тверь, 2025. С. 141–148; и др.

ждали устав, регистрировали организацию и требовали годовые отчеты для статистики и учета. Видимо, многие коллективы работали неофициально или так и не дождались утверждения своих уставов, поскольку чиновники нередко отмечали плохую осведомленность о количестве и направлениях деятельности общественных формирований в России⁴.

Первое время у правительства установилось осторожное отношение к подобным начинаниям, которое значительно сковывало их деятельность. Однако в отличие от просветительских формирований целый ряд художественных обществ были более дистанцированы от государства, а их роль в общественно-политической жизни значительно слабее. Эта группа обществ была менее охвачена государственным контролем, поскольку их основные цели были ориентированы на реализацию частных интересов и потребностей⁵.

Формирование общественной организации начиналось с собрания учредителей, где разрабатывался проект устава. Затем этот проект направлялся в органы местного самоуправления для утверждения. После этого ходатайство поступало к губернатору, а оттуда – в МВД (с 1902 г. культурно-просветительные общества находились под юрисдикцией Министерства народного просвещения). Важной, хотя и промежуточной стадией в этом процессе был обер-прокурор Священного синода. Только с его благословения контролирующий орган мог дать согласие на утверждение устава.

Процедура утверждения уставов выступала ключевым инструментом ограничения гражданских инициатив. Она состояла из нескольких этапов. Сначала устав должен был быть одобрен местными органами самоуправления, затем губернатором, а после этого соответствующим министерством. Эта бюрократическая процедура нередко сильно затягивалась. В качестве примера можно привести Барнаульское школьное общество (попечения о начальном образовании), которое ждало одобрения устава более 20 месяцев.

Часто документы отвергались по пустяковым причинам. Устав Каинского кружка любителей природы был отклонен из-за неуказания территории его деятельности. Проект устава Томского литературно-художественного кружка не был одобрен, так как не были предоставлены подписи всех учредителей⁶. Ишимское общество попечения о начальном образовании также столкнулось с отказом из-за отсутствия разрешения от попечителя Западно-Сибирского учебного округа⁷. Очень часто среди причин отказов можно найти и недостающую (иногда в 1–3 коп.) сумму гербового сбора (наклеенных на проекте марок). Встречались и принципиальные возражения. Так, К.П. Победоносцев противился включению в состав обществ членов-соревнователей, а если по уставу они все же будут являться рядовыми членами, то предложил лишить их права голоса. Такая позиция была вызвана тем, что эта самая многочисленная и деятельная категория членов общества вносила наименьшие взносы (обычно не более 50 коп.). Он опасался, что организация за счет них пополнится людьми без образования и стоящими на «низших ступенях интеллектуального развития», которые будут «некомпетентными в решении задач»⁸. Таких людей власти всегда подозревали в наличии скрытых мотивов использования обществ в революционных целях.

Следует отметить и чрезмерное рвение местных администраций перед столичным начальством. Однако многое зависело и от личности губернатора. Препоны, чинимые в крае, были куда сильнее противодействия правительства. Нередко губернаторы, попечитель Западно-Сибирского учебного округа, посылая на утверждение уставы, высказывали свое мнение – ограничить число выборных членов руководящих органов за счет непрременных от ведомств, или сетовали, что устройству рекомендуемого общества может препятствовать отсутствие энергичных интеллигентных местных деятелей⁹.

⁴ Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912. С. 21.

⁵ Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири: вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006.

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 6862. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 6306. Л. 8; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 171. Д. 2317. Л. 15.

⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 60. Д. 183. Л. 6–7.

⁹ Там же. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2317. Л. 22.

Зачастую министерства после суровых резолюций обер-прокурора меняли уставы до неузнаваемости и возвращали их обратно в регионы. Активисты вынуждены были соглашаться с новыми формулировками, иначе проекты устава не утверждались¹⁰.

В 1891 г. после потока прошений на утверждение уставов власти решили составить типовой образцовый устав, который учредители брали бы за основу. Однако это привело к длительной переписке между чиновниками (обер-прокурором, министрами внутренних дел и народного просвещения, членами Ученого комитета Министерства народного просвещения) и обсуждение в различных ведомствах продолжалось более шести лет¹¹.

Обер-прокурором до момента выработки такого примерного устава было предложено отложить утверждение поступающих проектов уставов общественных организаций. К 1897 г. дискуссия затихает, так и не выработав единого образца. Более того, хозяйственный департамент МВД в своих резолюциях губернаторам признает, что и «едва ли в ближайшее время он будет создан»¹². Министерство внутренних дел в 1897 г. утверждает лишь примерный устав обществ помощи бедным, который содержал все предъявляемые им требования для благотворительных организаций¹³.

Из-за бюрократии проекты уставов общественных организаций застаивались в ведомствах на годы. Например, Колыванская городская дума в 1891 г. подала ходатайство об утверждении устава Общества попечения о начальном образовании, но МВД дало добро лишь спустя семь лет. Руководство объяснило задержку подготовкой «новых нормативов уставов для этих обществ»¹⁴. В итоге учредителям пришлось переписать устав по выписке отзыва Министерства народного просвещения и типовому уставу.

В начале XX в. делопроизводство по общественным организациям осуществлял Департамент общих дел МВД, а конкретно – его второе особое отделение. К должностным полномочиям этого отделения относилось рассмотрение, утверждение и изменение уставов научных, благотворительных, культурно-просветительных, художественных и других обществ, товариществ, кружков, клубов, артелей, попечительств, касс, курсов, классов, а также распоряжения о закрытии этих обществ, уставы которых утверждаются в МВД.

Художественные образования (музыкальные, театральные, искусствоведческие и др.) вносили большое разнообразие в повседневную жизнь горожан. В 1866 г. в Томске возникает первое драматическое общество. Любители-актеры – врачи, учителя, служащие устраивали спектакли в помещениях Общественного и Коммерческого собраний, нередко собирая аншлаг¹⁵. В Омске энтузиасты из ссыльных – участников Польского восстания 1863–1864 гг. Радбольский, Флек, Хан, Голабешский организовали музыкальный кружок и оркестр¹⁶. Их деятельность развивала вкус и любовь к искусству среди местного населения. Основанное при участии ссыльных поляков Общество любителей художеств в Томске устраивало выставки картин, этюдов, скульптур, художественных предметов прикладного искусства.

В 1895 г. идея учреждения подобной организации появляется в Тюмени, где ее инициатором выступил статский советник Федор Павлович Фон-Берггольц¹⁷. Три года шло движение документов по уже известной цепочке: тобольский губернатор – Департамент полиции МВД – Департамент общих дел МВД – Главное управление по делам печати и обратно. Утверждение, а затем изменение устава Тюменского музыкального общества тормозилось из-за мелких придирок, хотя состав был вполне лоялен. Федор Павлович Фон-Берггольц был 53-летним потомственным дворянином, примерным семьянином, имел университетское образование и служил управляющим местным пароходством. Его жена Ольга Констан-

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1582. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 171 (1891). Д. 2317. Л. 100–150 об.

¹² Там же. Оп. 172. Д. 2061. Л. 9 об.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4241. Л. 9.

¹⁵ Горюшкина И.А. Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 252.

¹⁶ Kuczynski A. Suberia: Cztery lata polskiej diaspory. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1993. P. 69.

¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 46. Л. 1.

тиновна и две дочери Софья (23 года) и Вера (21 год) увлекались музыкой и театром. Семейство решило объединить тюменских любителей музыки и драматического искусства.

Актив (учредители) этого нового Тюменского музыкально-драматического кружка составили семьи инженера Александра Филимоновича Колмогорова, подполковника А.Д. Печковского, Н.А. Левиатова, С. Селиверстова, городского врача и других горожан. Тридцатипятилетний инженер А.Ф. Колмогоров был сыном недавно скончавшегося предпринимателя, богатейшего купца Филимона Степановича Колмогорова, избравшегося и главой города. Помимо него, в состав учредителей вошли его родные братья с женами. Четверть состава приходилась на долю женщин.

После положительной рекомендации тобольского губернатора (кружок будет служить «облагорожению, укреплению и возвышению духовных сил человека»)¹⁸ и некоторых корректировок со стороны Департамента полиции (обязательное разрешение местной полиции и попечителя учебного округа на все мероприятия и только тех произведений, которые разрешены драматической цензурой, уплата благотворительного сбора) 23 августа 1895 г. устав был утвержден¹⁹. Через месяц из столицы из-за неразборчивости подписей учредителей председателя потребовали прислать заново проект устава с новыми подписями²⁰. Когда же через год члены кружка попытались дополнить Устав, расширив сферу деятельности и круг лиц, имеющих право голоса на общем собрании, то уже новый тобольский губернатор в письме министру внутренних дел выразил свое несогласие, мотивируя его тем, что, помимо кружка, досуговые потребности горожан удовлетворяли еще два общественных клуба²¹. Недавно назначенный тобольским губернатором Леонид Михайлович Князев счел дополнения в устав крайне нежелательными и в корне меняющими характер и цели деятельности кружка. Это касалось устройства танцевальных вечеров, маскарадов, буфета, различных игр (бильярд, шахматы и др.) и возможности зарабатывать уроками музыки и пения.

Бумаги прошли тот же путь, что и при утверждении устава, с одной лишь разницей – теперь резолюция местного губернатора была не восторженная (которую дал ранее Николай Модестович Богданович), а отрицательная. Центральные власти прислушались к тобольскому начальству и изменения отклонили. Более года, до лета 1897 г., различные ведомства вели переписку о незначительном изменении устава Тюменского кружка любителей музыкально-драматического искусства. Только после заверения тобольского губернатора, который изменил свое мнение, поближе ознакомившись с составом кружка, что «нельзя ожидать каких-либо существенных отступлений от основных положений Устава», он был вновь утвержден²². Из всех предлагавшихся членами изменений был одобрен только пункт о сроке уплаты членских взносов²³.

Несмотря на бюрократические препятствия, активно действовали по приобщению населения к драматическому искусству Тобольское, Тюменское, Бийское, Кольванское, Змеиногорское, Каинское драматические общества, литературно-музыкально-драматические общества в Камне Барнаульского уезда, с. Усть-Чарышская пристань Бийского уезда²⁴. В их репертуар входили произведения А.П. Чехова, А.Н. Островского, Т.Г. Шевченко и др. В Тобольске, начиная с января 1901 г., переполненные залы собирал спектакль «Горе от ума» А.С. Грибоедова²⁵. Омский отдел Императорского русского театрального общества включал в свой репертуар последние новинки парижского театра, постановки К.С. Станиславского, В.Э. Мейерхольда, Л.И. Шестова²⁶.

¹⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 46. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 3–3 об., 5, 7.

²⁰ Там же. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 27.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 35.

²⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6613. Л. 93; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Д-170. Оп. 1. Д. 491. Л. 155, 194.

²⁵ Сибирский листок. 1901. 7 янв.

²⁶ Омский вестник. 1915. 18 янв.

Спектакли обычно шли с благотворительной целью. Например, Омское театральное общество нередко весь сбор отчисляло в помощь безработным, бывшим сценическим деятелям, военнотружущим и их семьям. В Бийске спектакли постоянно устраивались для сбора средств в пользу Бийского общества попечения о начальном образовании, нуждающихся студентов Томского университета, на пополнение городской библиотеки, улучшения торгового флота, помощи семьям воинов, голодающих, пострадавших от землетрясения в Туркестане, различных обществ и т.д.²⁷

Все действующие в регионе культурно-просветительные организации широко отмечали годовщины со дня рождения или смерти великих русских писателей. С большим размахом было отмечено 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина, 50-летняя годовщина смерти И.В. Белинского. В Омске, Петропавловске, Томске, Барнауле и других городах состоялись литературные вечера²⁸. В начале 1904 г. по предложению председателя правления Бийского драматического общества купца Н.И. Асанова был устроен спектакль в память годовщины смерти А.С. Пушкина и весь сбор с него пошел в фонд Комиссии по постройке памятника поэту в Санкт-Петербурге²⁹.

В Новониколаевске любители заявили о себе почти с первых дней существования города (тогда еще поселка) – 20 марта 1902 г. они объединились в музыкально-драматическое общество. Оживление его деятельности произошло с 1906 г. За сезон формирование давало обычно по 20 спектаклей³⁰. Участники общества показывали популярные тогда пьесы: «Майорша», «Набат», «Соколы и вороны», «Женитьба Белугина», «Плоды просвещения» и др.³¹ Любительский театр действовал в Новониколаевске вплоть до 1917 г.

В Омске к 1916 г. досуг заполняли несколько действовавших цирков, кинотеатров (электротеатров), общественных библиотек, детских площадок, городской сад и городской театр, дом Общества «Просвещение» и театральные помещения других общественных организаций, велось строительство Народного университета³².

В 1917 г. большинство общественных организаций еще продолжали успешно функционировать. Так, Томским обществом попечения о народном образовании, помимо прочих мероприятий, ставятся 32 спектакля. Многие художественные общества также продолжали активную деятельность и в революционный период, предлагая новые формы работы с населением. Сибирское музыкальное певческое общество открыло народную консерваторию, где широкие слои горожан могли как познакомиться с музыкальной классикой, так и попытаться найти свое призвание. В консерватории также был открыт класс декламации и практической подготовки к сцене³³.

Итак, формально освобожденные от прямого вмешательства общественные организации тем не менее находились под пристальным вниманием государства. Утверждение устава, казалось бы, простая процедура, превращалось в инструмент контроля и сдерживания гражданской активности.

Продолжительная многоступенчатая процедура утверждения, включавшая согласования с местными властями, губернатором, МВД и обер-прокурором Святейшего синода, позволяла государству тщательно фильтровать состав и цели общественных объединений. Даже незначительные недочеты в оформлении документов могли стать поводом для отказа, что свидетельствует о глубоком недоверии к общественным инициативам.

Опасения властей были связаны прежде всего с возможным проникновением в организации «неблагонадежных» элементов, способных использовать их в революционных целях.

²⁷ ГААК. Ф. Д-170. Оп. 1. Д. 491. Л. 143, 144; Д. 441. Л. 6, 11.

²⁸ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 435. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

²⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5593. Л. 12.

³⁰ Народная летопись (Ново-Николаевск). 1909. 7 апр.

³¹ Народная летопись. 1909. 20 июля.

³² См.: Отчет по арендному столу Омской городской управы за 1910 г.: Ведомость поступлений № 1. Омск, 1911. С. 18, 20; Отчет Омской городской управы за 1916 г. Омск, 1916. С. 10, 12, 14, 22, 24, 46, 50, 52.

³³ Народная консерватория в Томске // Сибирская жизнь. 1918. 13 янв.

Поэтому именно небольшие денежные взносы, позволявшие участвовать в деятельности организаций широким слоям населения, вызывали подозрения.

Попытки унификации уставов с помощью «Примерного устава» так и не увенчались успехом, что лишь усугубило и без того сложную и забюрократизированную процедуру утверждения. Циркуляр Главного управления по делам печати, указывавший на использование «несогласованных» образцов уставов, стал дополнительным поводом для усиления контроля и ужесточения требований.

В конечном счете бюрократические препоны и подозрительность властей существенно ограничивали развитие общественных инициатив и препятствовали формированию активного гражданского общества.

Государство одной рукой поощряло создание художественных обществ, а другой, по мере нарастания общественной активности, постепенно создавало систему жесткого контроля за ними. Многие из мер сковывали развитие обществ частной инициативы, занимающихся досугом и просвещением населения. Специфика сибирской локации заключалась в более жестком контроле из-за опасения властей участия политических ссыльных или «нежелательных элементов» в деятельности общественных организаций.

Литература

Горюшкина И.А. Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура: сб. ст. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 251–300.

Гуларян А.Б. Место и роль религиозных организаций в системе самодеятельных обществ Российской империи (на материале Орловской губернии) // Историческое обозрение. 2021. № 22. С. 44–54.

Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири: вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 478 с.

Ерохина О.В. Роль общественных организаций в адаптации немцев в Российской империи (на примере Санкт-Петербурга) // Пятое Карамзинские чтения: сб. тр. конф. СПб., 2024. С. 165–168.

Котляр Н.В. Общественные организации в дореволюционной России: вопросы классификации // Genesis: исторические исследования. 2021. № 6. С. 41–55.

Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912. 49 с.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск, 2006. 343 с.

Севостьянова Е.В. О деятельности научных обществ в Забайкалье (второй половины XIX – начала XX в.) // Культура и интеллигенция в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.): сб. ст. Омск, 1995. Т. 2. С. 123–126.

Смирнов С.Н. Императорское православное палестинское общество и другие общественные организации в Российской империи как субъекты социальной политики (вторая половина XIX – начало XX века) // Интерес вчера, сегодня и навсегда: сб. тр. Тверь, 2025. С. 141–148.

Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 гг. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 488 с.

Туманова А.С., Сафонов А.А. Уставы общественных организаций в дореволюционной России // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 113–136.

Филонов В.И. Просветительная деятельность общественных организаций в Российской империи (на материале Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2025. № 1. С. 94–98.

Kuczynski A. Syberia: Cztery lata polskiej diaspory. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1993. 439 p.

References

Degal'tseva, E.A. (2006). *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri: vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.* [Public Non-Political Organizations of Western Siberia: the Second Half of the 19th Century – February 1917], Dr. hist. sci. diss. Novosibirsk. 478 p.

Erokhina, O.V. (2024). *Rol' obshchestvennykh organizatsiy v adaptatsii nemtsev v Rossiyskoy imperii (na primere Sankt-Peterburga)* [The Role of Public Organizations in the Adaptation of Germans in the Russian Empire (on the Example of St. Petersburg)]. In *Pyatye Karamzinskie chteniya*. St. Petersburg, pp. 165–168.

Filonov, V.I. (2025). *Prosvetitel'naya deyatelnost' obshchestvennykh organizatsiy v Rossiyskoy imperii (na materiale Orlovskoy gubernii)* [Educational Activities of Public Organizations in the Russian Empire (Based on the Oryol Province)]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosuniversiteta*. No. 1, pp. 94–98.

Goryushkina, I.A. (1997). *Teatry Sibiri (kratkiy obzor stanovleniya i razvitiya)* [Theaters of Siberia (a Brief Overview of Formation and Development)]. In *Sibir' v XVI–XX vekakh: Ekonomika, obshchestvenno-politicheskaya zhizn' i kul'tura*. Novosibirsk, pp. 251–300.

Gularyan, A.B. (2021). *Mesto i rol' religioznykh organizatsiy v sisteme samodeyatel'nykh obshchestv Rossiyskoy imperii (na materiale Orlovskoy gubernii)* [The Place and Role of Religious Organizations in the System of Amateur Societies of the Russian Empire (Based on the Oryol Province)]. In *Istoricheskoe obozrenie*. No. 22, pp. 44–54.

Kotlyar, N.V. (2021). *Obshchestvennye organizatsii v dorevolyutsionnoy Rossii: voprosy klassifikatsii* [Public Organizations in Pre-Revolutionary Russia: Matters of Classification]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 41–55.

Kuchinskiy, A. (1993). *Syberia: Czteryta lat polskiej diaspory*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 439 p.

Kulomzin, A.N. (1912). *Opytnyy podschet sovremennogo sostoyaniya nashego narodnogo obrazovaniya* [An Experimental Calculation of the Current State of Our Public Education]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 49 p.

Rodigina, N.N. (2006). *“Drugaya Rossiya”: obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [“The Other Russia”: the Image of Siberia in the Russian Magazine Press of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 343 p.

Sevost'yanova, E.V. (1995). *O deyatelnosti nauchnykh obshchestv v Zabaykal'e (vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.)* [On the Activities of Scientific Societies in Transbaikalia (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. In *Kul'tura i intelligentsiya v epokhu modernizatsii (XVIII–XX vv.)*. Omsk. Vol. 2, pp. 123–126.

Smirnov, S.N. (2025). *Imperatorskoe pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo i drugie obshchestvennye organizatsii v Rossiyskoy imperii kak sub'ekty sotsial'noy politiki (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [The Imperial Orthodox Palestine Society and Other Public Organizations in the Russian Empire as Subjects of Social Policy (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. In *Interes vchera, segodnya i navsegda*. Tver, pp. 141–148.

Tumanova, A.S. (2002). *Samoderzhavie i obshchestvennye organizatsii v Rossii. 1905–1917 gg.* [Autocracy and Public Organizations in Russia. 1905–1917]. Tambov, Izdatel'stvo TGU imeni G.R. Derzhavina. 488 p.

Tumanova, A.S., Safonov, A.A. (2020). *Ustavy obshchestvennykh organizatsiy v dorevolyutsionnoy Rossii* [Charters of Public Organizations in Pre-Revolutionary Russia]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. Vol. 24, No. 1, pp. 113–136.